

№133

Март

2021 г.

Газета издаётся по благословию
Преосвященнейшего Владимира,
епископа Новокузнецкого
и Таштагольского

Свет Православия

14 марта

Прощеное воскресенье

С наступающим
Великим постом!

Прощеное воскресенье

Протоиерей Олег Стеняев

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

В сегодняшнее Прощеное Воскресение мы читаем Евангелие от Матфея, семнадцатое зачало. Это чтение начинается словами: «Ибо если будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших».

Как известно, цель поста молитва и покаяние. Но едва ли возможна молитва, если мы не примирились с другими людьми. Бог не примет дар такой нашей молитвы, и в Нагорной Проповеди прямо сказано: «Если ты принесешь дар твой пред жертвенником и там вспомнишь, что брат твой имеет на тебя, оставь дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примиришься с братом твоим, и тогда принесешь дар твой пред жертвенником». То есть дар молитвы не принимается, если кто-то имеет что-то на нас. Не сказано, что мы имеем на кого-то, а кто-то имеет на нас. Может быть неправильно он обижается на нас, может быть он выдумал какую-то проблему между собою и нами, но мы должны стараться иметь мир со всеми. Как и сказано в Писании: «Старайтесь иметь любовь со всеми».

С другой стороны — покаяние. Оно едва ли возможно, если мы, ища прощение у Бога, сами не прощаем других людей. Ведь мера того, как мы относимся к другим, это всегда оказывается мерой того, как Бог отнесется к нам. Мы сами об этом просим Его: «...и остави нам долги наши, яко же и мы», — то есть, как и мы, — «прощаем должникам нашим». Вот и получается, что без примирения с братом не может быть поста. Цель поста — молитва и покаяние. Молитву Бог не примет, Он так и говорит: «оставь дар твой пред жертвенником, пойди прежде помиришься». Покаяния не примет, если мы не оставляем должникам нашим, едва ли Господь оставит что-либо нам. Поэтому мы должны прощать, потому, что сами нуждаемся в прощении. Мы должны прощать, чтобы устранить любые препятствия для молитвы, чтобы молитва совершалась в мире, без всякой злобы и в любви.

И дальше мы читаем: «Также, когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры, ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою». Сегодня вечером уже храм будет украшаться в черные ткани и все время поста черный цвет будет преобладать. Вообще-то это латинская традиция, которая пришла к нам из южно-русских земель. В древней Руси наоборот, во время поста все украшали в белое облачение, в белые радостные ризы, чтобы явиться постящимися не пред людьми, но пред Богом, ибо Господь далее говорит: «А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лицо твое, чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцом твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно». Пост существует не для того,

чтобы устраивать скандалы на кухне, чтобы нюхать под дверь соседа, готовить он мясо или нет, это совсем не так. Более того, апостол Павел пишет: «Кто постится — для Господа постится, кто не постится — для Господа не постится, то кто не ест — не осуждай того, который ест. А кто ест, не осуждай того, кто не ест». Иными словами, мы должны прогнать дух осуждения на всё время поста и не гнушаться теми нашими родственниками, которые не войдут в течение поста. Но вы можете дать им дельный совет: если мужчине трудно отказаться от мяса, пусть откажется от чего-нибудь друго-

го. Он может отказаться от курения, например в среду, пятницу и воскресенье, и Бог примет такой пост. Ребенок может отказаться от компьютерных игр, если у него болезненная ситуация с этими играми, он может отказаться в среду, пятницу и воскресенье, и Бог примет такой пост.

Я помню, был один прихожанин, подросток, который всё время жевал жвачку, он никогда не расставался с жвачкой, и даже когда он шел в храм к причастию или целовать иконы, он вынимал жвачку и клеил за ухо. И я ему предложил отказаться на время поста от жвачки и он отказался. И все, кто знали его: родители, взрослые, друзья удивлялись. И мы видели, ему трудно, и Бог, конечно, принимает и такой пост. Нельзя совсем не поститься. Кому-то надо отказаться от просмотра каких-то сериалов. Я не рекомендую на время поста смотреть новости по телевизору. Сейчас новости абсолютно депрессивные, подталкивают нас к осуждению, к озлобленности, ненависть разжигается между славянскими и православными народами, поэтому надо позаботиться о том, чтобы ничего лишнего не было во время поста. Как мы убираем скором-

ное из холодильника накануне поста, так и из жизни своей надо исключить всё то, что перевозбуждает нас, всё то, что ввергает нас в депрессивное состояние, всё то, что повышает злость в нашей жизни. И это очень важно. Сказано о Господе, что Он трости надломленной не переломил, льна курящегося не угасил. Это свидетельство о том, что Он примет любую форму твоего поста. Но если ты будешь поститься как положено, ты получишь особую награду от Бога. Только не превозносись над теми, кто не может так же успешно проходить течение поста.

Далее в сегодняшнем Евангелии говорится: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровища ваши, там будет и сердце ваше». За последний год из России уехало более миллиона богатых семей, уехали за границу. Почему? Сказано: «Где сокровища твои, там и сердце твоё». Их богатства были вложены в швейцарские банки, в американские, британские банки, и они не могли отлепиться от этих сокровищ, и они покинули родину и уехали.

Господь предупреждает нас, что опасно собирать сокровища на земле, где воры подкапывают и крадут, моль и ржа разъедает. Но вместо моли и ржи мы можем сказать: инфляция и дефляция всё разрушает. И человек в недоумении: в чём хранить свои деньги? В евро, в долларах или оставить в рублях, или на китайские юани перейти? Лучше всего в Боге богатеть. Богатеть в Боге — это творить добрые дела. Время поста — это не только время молитвы и покаяния, но и БЛАГОТВОРЕНИЯ благотворительности. Те деньги, которые будете жертвовать нуждающимся людям, а сейчас всё больше и больше таких в нашей стране, это будет счет, который ты откроешь себе на небесах. Там нет никакой инфляции, там Буш не может скомандовать, или Обама какой-нибудь скомандовать, чтобы санкции какие-нибудь ввести против твоего благополучия. Богатеющий добрыми делами, в Боге богатеющий, он всегда будет иметь это сокровище на небесах. И когда мы покинем этот мир, за человеком последуют его добрые дела, то есть подлинное добро, добро в библейском понимании этого слова. Не добро в смысле имущества, а в смысле проявления любви.

Итак, сегодняшнее Евангельское чтение призывает нас к прощению,

призывает нас к духовной радости и призывает нас к благотворительности, ибо собирающий сокровища на небесах, это благотворительный человек. Таким образом, этим сегодняшним Евангелием в это Прощеное Воскресение заканчивается цикл Евангелий, которые вводили нас в Великий Пост. Вспомним: было Евангелие о Закхее, о самом плохом человеке в городе. Было Евангелие о мытаре и фарисее, о самом плохом прихожанине в храме. Было Евангелие о блудном сыне, о самом плохом ребёнке в семье. И было Евангелие о Страшном суде, которое призвало нас проявлять милосердие. И сегодняшнее Евангельское чтение в Прощеное Воскресение как бы обобщает и завершает эти темы.

И последнее: к чему, к какому размышлению приводят все эти Евангелия? Они говорят нам: может ты действительно самый плохой человек в городе, как Закхей, но употреби усилие во время поста и ситуация изменится; может быть ты самый плохой прихожанин, как мытарь, но употреби во время поста усилие молитвой и ситуация изменится; может быть ты самый плохой ребенок в семье, как блудный сын, который расточил имение отца, используй время поста для того, чтобы вернуться к отцу, восстанови через покаяние правильное отношение с Богом. Может быть ты не милосердный, но ты узнал, что если ты накормил голодного, если ты напоил жаждущего, одел нагого, посетил больного, навестил заключенного, ты проявил милосердие по отношению ко Христу, ты нуждаешься в прощении, поэтому — ПРОЩАЙ.

Итак, мы видим, как органично одно Евангелие воскресное сменяет другое, показывает нам, что каждый, даже самый несовершенный, может достигнуть добрых результатов, если будет искать видеть Иисуса, кто Он, как Закхей, если будет бить себя в грудь и говорить: «Бог, милостив будь ко мне, грешному», как мытарь, или как блудный сын скажет: «Встану, пойду к отцу моему».

Итак, мы входим во время Великого Поста. Пусть течение Великого Поста приведет нас к Светлой Пасхе, но чтобы за время поста мы сами бы воскресли бы для новой жизни во Христе и со Христом. Как с весной всё меняется в мире природы, так во время поста может произойти всецелое обновление души человека. Да поможет нам в этом Господь Бог! И, предполагая, что некоторых из вас я сегодня вечером не увижу, спрашиваю у вас прощения. Простите меня, где я согрешил делом, словом, помышлением, не исполнением своего священнического и христианского долга по отношению к вам.

Спаси Господь!

<https://azbyka.ru/propovedi/propoved-v-proshhenoe-voskresene-protiieriej-oleg-stenyaev.shtml>

Великий пост

Приготовив верующих к подвигам поста и покаяния, Церковь вводит их в самый подвиг. Богослужения Великого поста, как и богослужения подготовительных к нему недель, постоянно побуждая к посту и покаянию, изображают состояние души, кающейся и плачущей о своих грехах. Этому соответствует и внешний образ совершения великопостных богослужений: в седмичные дни Великого поста, исключая субботы и воскресенья, Церковь не совершает полной литургии, этого самого торжественного и праздничного христианского богослужения. Вместо полной литургии по средам и пятницам служит литургия Преждеосвященных Даров. Состав других церковных служб изменяется сообразно с временем. В седмичные дни почти прекращается пение, предпочитается чтение из ветхозаветных писаний, особенно Псалтири, во все церковные службы вводится молитва святого Ефрема Сирина с великими (земными) поклонами, а третий, шестой и девятый часы соединяются с вечерней для указания времени, до которого должен простираться дневной пост.

Святая Четыредесятница и ее богослужения начинаются с вечерни Недели сыропустной. Сыропустное воскресенье называется еще в просторечии Прощеным воскресеньем, ибо за вечерним богослужением в этот день бывает чин или обряд, общего прощения в храме.

Чин прощения совершается так: на солею выносят и полагают на аналоях иконы Спасителя и Божией Матери; настоятель творит земные поклоны пред ними и лобызает их, затем он обычно произносит слово, испрашивает прощения своих грехов у причта и народа, говоря: «Благословите мя, отцы святии и братия, и простите мне, грешному, елика (что) согреших в сей день и во вся дни живота моего: словом, делом, помышлением и всеми моими чувствами». При этом он творит общий земной поклон духовенству и народу. Все отвечают ему также земным поклоном, говоря: «Бог простит ти, отче святыи. Прости и нас, грешных, и благослови». Затем настоятель берет напрестольный Крест, и все священнослужители в порядке старшинства прикладываются к иконам на аналоях, подходят к настоятелю, целуют честный Крест и руку его, держащую Крест, лобызаются с настоятелем. После них подходят миряне, прикладываются к святым образам и Кресту и испрашивают прощения у причта и друг у друга.

Во время обряда прощения принято петь «Покаяния отверзи ми двери», «На реках вавилонских» и другие покаянные песнопения. В некоторых храмах поют также при этом и стихиры Пасхи, до слов «и тако возопим» включительно (в последней стихире).

Сообразно с словами Евангелия, читаемыми в это воскресенье, внушающими прощать ближним согрешения и примиряться со всеми, в древние времена пустынно египетские собирались в последний день сырной седмицы для общей молитвы и, испросив друг у друга прощение и благословение, при пении пасхальных стихир, как бы в напоминание ожидаемой Пасхи Христовой, уходили по окончании вечерни в пустыни для уединенных подвигов в продолжение Четыредесятницы и собирались снова

только уже к Неделе ваий. Поэтому-то и теперь, следуя этому древнему благочестивому обычаю, сыны Православной Церкви в знак примирения и прощения молятся о умерших и посещают друг друга в сырную седмицу.

Первая седмица Великого поста отличается особенной строгостью, ибо прилично иметь ревность к благочестию при начале подвига. Сообразно этому, Церковь на первой седмице совершает богослужения продолжительнее, чем в следующие дни. С понедельника по четверг на великих повечернях читается покаянный канон святого Ан-

митрополите Киевском Петре Могиле (XVII в.). Совершается он на повечерии (в пятницу) или за вечерней (в воскресенье) в первую, вторую (часто со второй), третью и четвертую седмицы поста и состоит из чтения Евангелия о Страстях Христовых, пения песнопений Страстной седмицы – «Тебе, одеющегося светом, яко ризою», «Приидите, ублажим Иосифа приснопамятнаго» и других – и поучения. О пассиях в Церковном уставе не говорится. Чин пассий был впервые помещен в конце Триоди цветной, изданной в 1702 году архимандритом Киево-Печерской Лавры Иоасафом Кроновским. В конце

цу **святого Григория Паламы**, архиепископа Солунского, чудотворца (XIV в.). Святой Григорий, сам великий подвижник Афона, известен как защитник Православия и обличитель еретического учения Варлаама, калабрийского монаха, отвергавшего православное учение о благодатном свете, просвещающем внутреннего человека и иногда открывающемся видимо, например, как это было на Фаворе и Синае. Варлаам не допускал возможности достигнуть этого озарения молитвой, постом и другими духовными подвигами самоотвержения. На созванном по этому поводу Соборе в Константинополе в 1341 году святой Григорий Палама, названный сыном Божественного света, обличил еретиков и защитил учение о Свете Божественном, несотворенном, присносущном, которым сиял Господь на Фаворе и которым озаряются подвижники, достигающие такого озарения посредством молитвы и поста.

Церковная служба в честь святого Григория Паламы и его Житие составлены Филофеем, патриархом Константинопольским (XIV в.), а канон – Геннадием Схolariем (XV в.).

Третья Неделя Великого поста называется Крестопоклонной, так как в это воскресенье Церковь прославляет Святой Крест и духовные плоды Крестной смерти Спасителя.

Значение Креста Христова для подвижащихся в посте объяснено Церковью в богослужебных песнопениях в многочисленных образах и подобиях. Подобно сеньнолистному дереву, дающему густую тень и доставляющему прохладу и отдых утомленному путнику, Крест Христов посреди подвигов поста доставляет верующим прохладу и ободрение к завершению труда. Крест Христов, как знамя победы над смертью, приотворяет нас к радостному прославлению Победителя ада и смерти. Крест Христов сравнивается с деревом, усладившим горькие воды Мерры, с деревом жизни, насажденным посреди рая. Благовестие о Кресте и поклонение ему утешительно напоминают нам о приближающемся светлом празднике Воскресения Христова.

Кроме прославления Святого Креста, на котором Господь смирил Себя за смерти, в богослужении четвертой седмицы Великого поста обличается фарисейская гордость, осужденная Богом, и восхваляется мытаревое смирение.

Начиная со среды Крестопоклонной седмицы на литургиях Преждеосвященных Даров до Великой среды произносятся особые ектений о готовящихся к просвещению (крещению).

В богослужении **четвертой Недели** (воскресенья) Церковь предлагает высокий пример постнической жизни в лице подвижника VI века **преподобного Иоанна Лествичника**, с 17 до 80 лет подвизавшегося на Синайской горе и в своем творении «Лествица рая» изобразившего путь постепенного восхождения человека к духовному совершенству по лестнице души, возводящей от земли к вечно пребывающей славе. Таких степеней в «Лествице» указано 30, по числу лет земной жизни Спасителя до Его вступления на общественное служение роду человеческому.

В четверг пятой седмицы на утрени читают весь, полностью Великий канон святого Андрея Критского и Житие преподобной Марии Египетской (V – VI вв.) из бездны порока восшедшей путем покаяния на такую высоту совершенства и святости, что она уподобилась бесплотным ангелам. Это богослужение поэтому называется иначе Марииным (или реже: Андреевым) стоянием.

дрия Критского (+ 712). Канон этот назван Великим как по множеству мыслей и воспоминаний, в нем заключенных, так и по количеству содержащихся в нем тропарей – около 250 (в обычных канонах их около 30). Для чтения на первой седмице поста канон разделяется на четыре части, по числу дней.

В среду и четверг к Великому канону прибавляется несколько тропарей в честь преподобной Марии Египетской (+ 522), пришедшей из глубокого духовного падения к высокому благочестию.

Великий канон завершается тропарями в честь его творца – святого Андрея Критского.

В понедельник или вторник первой седмицы после утрени или часов священник в епитрахили читает прихожанам «Молитвы в начале поста Святыя Четыредесятницы», положенные в Требнике.

В субботу первой седмицы Церковь творит воспоминание о чудесной помощи, явленной великомучеником Феодором Тироном (+ ок. 306) константинопольским христианам в 362 году, при императоре Юлиане Отступнике (+ 363), когда в первую седмицу Великого поста святой, явившись архиепископу Константинопольскому, повелел употреблять коливо (отварное зерно) вместо оскверненной тайным окроплением кровью идольских жертв на торжищах пищи. Освящение колива (иначе кутий) совершается в пятницу первой седмицы на Преждеосвященной литургии, по заамвонной молитве и молебном пении великомученику Феодору.

Во многих храмах в пятницу или по воскресеньям совершается умильный богослужебный обряд, именуемый пассией (от лат. passio – страдание). Он введен в церковное употребление при

описания чина сказано: «Сия вся воспоминаются по совету, а не по повелению, яже вся под разсуждение Церкви Святыя Православныя подаются».

Первая Неделя (воскресенье) Великого поста называется иначе Неделей, или **торжествен, Православия**. В этот день совершается воспоминание торжества Православия, установленного в Византии в первой половине IX века в память окончательной победы Православной Церкви над всеми еретическими учениями, возмущавшими Церковь, особенно над последней из них – иконоборческой, осужденной Седьмым Вселенским Собором в 787 году. В эту Неделю совершается особое богослужение, называемое чином Православия. Чин этот составлен Мефодием, патриархом Константинопольским (842 – 846). Победа Православия первоначально была отпразднована в первую Неделю Великого поста, и, таким образом, основание празднования в этот день торжества Православия историческое.

Чин Православия состоит в основном из молебного пения и совершается в кафедральных соборах после прочтения часов пред литургией или после литургии на середине храма, пред иконами Спасителя и Божией Матери.

Вторая седмица и воскресенье Великого поста называются седмицей и Неделей светотворных постов: Церковь молит Господа о благодатном озарении постящихся и кающихся. В богослужении этой седмицы и воскресенья наряду с сокрушением о греховном состоянии человека восхваляется пост как путь к такому внутреннему благодатному озарению.

Православное учение о посте с особенной силой раскрывается в **воспоминании** во вторую седми-

В практике оно совершается в среду вечером. Житие разделяется при чтении на две части: одна часть читается после кафизм, вторая — по третьей песни канона. Житие преподобной Марии составил святой Софроний, патриарх Иерусалимский (638 — 644), а святой Андрей Критский, присланный от патриарха Иерусалимского Феодора на Трулльский, VI Вселенский Собор (680 — 681), принес Житие святой Марии вместе со своим канонам. Чтение канона святого Андрея и Жития святой Марии Египетской в четверг пятой седмицы на утрени установлено на этом Соборе.

В среду пятой седмицы на вечерне, относящейся к четвергу, кроме обычных стихир на «Господи, воззвах», поются 24 покаянных стихиры Великого канона — творение святого Андрея Критского. Все стихиры имеют окончание: «Господи! Прежде даже до конца не погибну, спаси мя».

В четверг ради чтения Великого канона совершается литургия Преждеосвященных Даров и звон бывает в «красная», то есть не великопостный.

Суббота пятой седмицы называется Субботой Акафиста, а сама служба получила название «Похвалы Пресвятой

Богородицы». В этот день на утрени читается Акафист с греч. — неседальное (разумеется пение) Божией Матери в память Ее заступления и избавления Константинополя в дни поста от нашествия иноплемеников в VII в. Этот первый из акафистов составлен в VII в. на основе еще более древних кондаков, в которых воспеваются события Рождества Господа и Благовещения Пречистой Богородицы.

В пятое воскресенье Великого поста Церковь вспоминает и прославляет святую Марию Египетскую.

В песнопениях канона на эту Неделю, а также в богослужении седмичных дней следующей седмицы — ваий раскрывается евангельская притча о богатом и Лазаре, чтобы побудить верующих к истинному покаянию, которым достигается Царствие Божие. Церковь убеждает верующих избегать немилосердия и бесчеловечия богача, ревновать же терпению и великодушию Лазаря, ибо Царствие Божие не есть пища и питье, а праведность и воздержание со святостью и милосердием.

В субботу шестой седмицы — ваий Церковь вспоминает чудо воскресения

Господом Иисусом Христом Лазаря, поэтому она называется Лазаревой субботой.

Воскрешением Лазаря Иисус Христос явил Свою Божественную силу и славу и уверил Своих учеников и всех в грядущем Своем Воскресении и общем воскресении умерших в день Суда Божия.

Неделя ваий посвящена воспоминанию торжественного Входа Господня во Иерусалим, куда Он шел для страданий и Крестной смерти. Это событие описано всеми евангелистами: Мф. 21, 1 — 11; Мк. 11, 1 — 11; Лк. 19, 29 — 44; Ин. 12, 12 — 19. Этот праздник называется Неделями ваий (ветвей), Неделями цветочной, а в просторечии у русских также Вербным воскресеньем от обычая освящать в этот день пальмовые ветви, заменяемые у нас вербами.

Начало праздника восходит к глубокой древности. Первое указание на праздник — в III веке принадлежит святому Мефодию, епископу Патарскому (+ 312), оставшему поучение на этот день. В IV веке праздник, как свидетельствует святая Епифаний Кипрский, совершался весьма торжественно. Многие из святых отцов IV в. оставили свои поучения на этот праздник. В VII — IX вв. святые Андрей Крит-

ский, Косма Маиумский, Иоанн Дамаскин, Феодор и Иосиф Студиты, а также император византийский Лев Философ, Феофан и Никифор Ксанфопул прославили праздник песнопениями, которые и ныне поет Православная Церковь.

Праздник Входа Господня в Иерусалим принадлежит к двенадцатым праздникам, но не имеет ни предпразднства ни поспразднства, так как окружен днями поста Четырехдесятницы и Страстной седмицы. Однако, хотя он и не имеет дней предпразднства, подобно другим двенадцатым праздникам, богослужение всей предыдущей седмицы, начиная с понедельника, во многих стихирах и тропарях посвящено событию входа Господа в Иерусалим.

В пятницу седмицы ваий заканчивается пост Святой Четырехдесятницы. В этот день в одной из стихир на «Господи, воззвах» поется: «Душеполезную совершивше Четырехдесятницу, и святую седмицу Страсти Твоя просим видети, Человеколюбче».

Лазарева суббота и Вербное воскресенье служат переходом от Четырехдесятницы к Страстной седмице.

<http://www.pravoslavie.ru/20937.html>

УВИДЕТЬ СЕБЯ ТАКИМ, КАКИМ ВИДИТ ТЕБЯ ГОСПОДЬ. О ПОКАЯННОМ КАНОНЕ АНДРЕЯ КРИТСКОГО

Обычно, когда заходит речь об этом изумительном творении критского песнописца, говорят о многом. Говорят о нем как о совершенном образце церковной гимнографии. Говорят о том, что в его тропарях перед нашим мысленным взором проходят, словно ожившие, примеры как добродетели, так и порока из Священной истории Ветхого и Нового Завета. Говорят, наконец, о его глубочайшем воздействии на душу человека. И это, безусловно, самое важное из вышеизложенного. Но всегда ли мы это воздействие ощущаем? И всегда ли оно приносит достойные плоды? И если нет, то почему?

Великопостное время действительно совершенно особое. Время, когда небо оказывается отверстым для человека, когда открываются для него врата покаяния — единственные, через которые может вернуться к Богу тот, кто оставил прежде Отчий дом, подобно блудному сыну, уклонившемуся на распутья греха. К этому направлено все — и то утешение нашего телесного состава, которое предполагает пост, и строй богослужения, и умирительные покаянные песнопения, и, конечно, более всего — сам Великий канон. Небо отверзается, врата покаяния для нас снова открыты, но открывается ли в то же время и наше сердце, готовы ли мы бываем услышать голос Господа, вновь и вновь зовущего нас к Себе? Вот, наверное, самый главный вопрос...

...Когда-то, уже достаточно давно, будучи только-только рукоположенным в сан иеромонаха, по издательским делам я наведал на одной из московских окраин семью из двух старичков, из тех, которых ровесниками XX века мешало назвать лишь то, что они были его лет на 10 помоложе. Мы обсудили вопрос, связанный с литературным творчеством этих супругов, а потом между нами просто завязалась беседа — как водится, о том, что было пережито и что привело в храм.

Собственно, «привело», наверное, не самое верное здесь слово: ведь супруги родились в то время, когда Россия, по выражению Семена Людвиговича Франка, еще не совершила коллективного самоубийства. А значит, нетрудно предположить, что и крестили их в младенчестве, и в храм сначала носили, а потом и водили, и исповедовались они, и прича-

щались... Так оно и было. Только вот потом... Потом затянула в себя воронка той жизни, о которой, как видел я, моему собеседнику (назовем его, скажем, Иваном Сергеевичем) и вспоминать было больно. И тем не менее он вспоминал.

Он пришел в тот день в храм, скорее, чтобы отдать дань той традиции, которая когда-то составляла в значительной мере основу его жизни. Он был еще очень молод, и дух мнимой свободы, ощущение того, что весь мир пришел в движение, что теперь «все можно», захватили его, дав свободу на самом деле лишь тем страстям, с которыми прежде он считал необходимым бороться, которые казались чем-то постыдным, недостойным не только христианина, но и просто — уважающего себя человека. Это была свобода, которая позволила не оглядываться ни на какие духовные авторитеты, не судить себя судом евангельских заповедей, не думать о вечности и больше того — не думать даже о своей душе. Свобода, которая стала тогда «завоеванием» миллионов выломившихся из церковной жизни людей и которая так хорошо знакома большинству из нас — современных христиан.

Иван Сергеевич переступил порог церкви и сразу оказался в атмосфере и основательно подзабывшейся уже, и в то же время до какой-то последней сердечной глубины знакомой. Аромат ладана, полумрак, нарушаемая лишь потрескиванием свечей и редким шепотом прихожан тишина. Душа точно замерла в этом полумраке и тишине, в предощущении чего-то очень важного, неожиданного и в то же время ожидаемого. И вот обычное начало, псалом и... «Помощник и Покровитель, бысть мне во спасение...» И дальше — плач, горький, многослезный плач о той чистоте и красоте души, которую она так безрассудно потеряла, о прекрасном и так же безрассудно утраченном рае, о страшных кровоточащих ранах души — грехах, о многократно преданном, забытом и не забывающем нас никогда Боге.

И в какой-то момент Иван Сергеевич вдруг понял, что он сам плачет, стоя на коленях на полу храма, слезы катятся градом по его щекам, тело содрогается от рыданий. То, что стало уже казаться нормой бытия, с чем он сжилась, сроднился за последние годы, та свобода от совести, которую он уже привык восприни-

мать как некое крайне важное достижение, — в эти мгновения предстало перед ним во всей своей мерзости, неприглядности, во всей своей постыдной наготы. И таким же неприглядным, нагим он ощущал самого себя. Но самое главное — пронзающая сердце, мучительная боль. Она расколола тот панцирь нечувствия, которым он был покрыт, добралась до самых сокровенных глубин...

Он вышел из храма тихим, умиротворенным, омытым слезами покаяния, с твердой решимостью — что бы ни было, никогда не терять этой ясности, этого четкого разделения жизни на «правильно» и «неправильно», способность к которому он обрел только что. И этот нечаянный Божий дар ему удалось сохранить.

Иван Сергеевич рассказывал о многом, его жизнь была богата событиями. Ему довелось и побороться за то, чтобы не закрылась Почаевская Лавра, и потерпеть за веру неизбежные скорби, и узнать множество удивительных подвижников, и увидеть однажды дивный свет благодати, озаривший преподобного Кукшу Одесского, — так, что Иван Сергеевич, находившийся в келье преподобного, испытал нечто подобное пережитому Апостолами на Фаворе. Но самым важным воспоминанием оставалось именно это — о страшной боли, о слезах покаяния, о дивном, казавшемся совершенно невозможным изменении всего его жития в тот день, когда он, отдавая дань традиции, пришел в храм послушать канон великого критского архипастыря и песнопisca.

...Конечно, мы все имеем какой-то опыт церковной жизни и в том числе — опыт покаяния. Мы ходим в храм — кто-то регулярно, а кто-то так даже и часто. Исповедуемся и причащаемся. Читаем душеполезные книги. Стараемся не оставлять молитвенного правила. И, наверное, в большинстве своем смертно не грешим. Но всегда ли удается нам рассмотреть, что именно скрывается в глубине нашего сердца, увидеть себя без прикрас, такими, какие мы есть? Если кому-то и удастся, то это редкий подвижник и редкого мужества человек, замечательный христианин. Но вот мой опыт — и пастырский, и «просто человеческий» — говорит мне, что на самом деле день за днем мы ищем средства примириться в душе с одним грехом, с

другим, с одной страстью, с другой страстью — со всем тем, относительно чего тревожит нас наша совесть и с чем так трудно расстаться.

Это могут быть какие-то «не особо страшные», как кажется, страсти и грехи, «простительные», «неизбежные». Однако та же совесть подсказывает, что очиститься от них, преодолеть их с Божьей помощью мы могли бы, да только... так жалко с ними расставаться. Жалко расставаться с правом высказаться о ком-то свое мнение — нет-нет, не в осуждение, а в рассуждение только... Жалко расставаться с правом «по справедливости» обидеться на кого-то. Жалко расставаться с правом «объективно» считать себя лучше кого-то. Да и сколько их еще — таких любимых, таких важных прав...

И эта примиренность с тем, с чем мира быть не должно, лишает нас остроты и ясности зрения самих себя. И мы не можем себя познать и увидеть своих грехов — бесчисленных, как песок морской, и кажется, что мы, в общем, ничего, не такие уж и плохие христиане. И мне это кажется нередко. Но только... Только вспоминаются время от времени слова одного моего собеседника: «Я думаю, что однажды предстану перед Богом на Страшном Его Суде. И там мне покажут человека, которого никогда прежде я не видел. Этим человеком буду я...» Страшно это — только на том последнем Суде себя увидеть и узнать, когда уже ничего не изменишь и не исправишь. Очень страшно...

И потому так важно, когда мы придем все в храм в первый день поста, когда в тишине и полумраке раздадутся наконец удивительные песнопения Великого канона, не прятаться от боли, от несущих ее обличений, но, напротив, совершенно обнажить, раскрыть свое сердце, откаться от любых оправданий. Дать Господу возможность наконец достучаться до нас, каким бы громким, каким бы потрясающим все наше естество ни оказался этот стук. Чтобы увидеть себя такими, какими видит нас Он, и чтобы воспользоваться той возможностью все исправить и все изменить, которая всегда есть у нас, пока мы живы. И которая особенно доступна для нас в наступающие дни Великого поста.

<http://www.pravoslavie.ru/51814.html>

Инопланетяне и Христианство

Если на других планетах будет обнаружена разумная жизнь, это как-то повлияет на Православие?

— Во времена Апостолов понятия не имели об антиподах — обитателях Австралии, Америки. «Тому же, кто рассказывает, будто существуют антиподы, т. е. будто на противоположной стороне земли, где солнце восходит в ту пору, как у нас заходит, люди ходят в противоположном нашим ногам направлении, нет никакого основания верить» — наставлял блаженный Августин (О Граде Божием. 16, 9).

Оказалось, что были целые культуры, о существовании которых никто из людей Библии не предполагал. И что? Христианство их совершенно спокойно приняло и нельзя даже сказать, что оно адаптировалось к этим культурам. Христианство — оно и в Австралии осталось христианством.

Если инопланетяне окажутся существами, наделенными разумом, свободой воли, плотью — значит, все, что христианство говорит о людях, оно скажет и о них. Этот вопрос обсуждал еще Ломоносов. Когда в XVIII веке была открыта атмосфера на Венере, Ломоносов предположил, что там могут быть люди. Если же они там есть, то одно из двух: или они подобно нам, впали в грех, или не пали. Если они не грешники, то Голгофская жертва Христа им не нужна, они и так с Богом живут. А если они грешники, тогда искупительная жертва Христа принесена и за них тоже — как и за народ эрззя, о котором апостолы знали не больше, чем о жителях Венеры.

Затем в 1845 году поэт В. Аскоченский те же думы изложил в стихах:

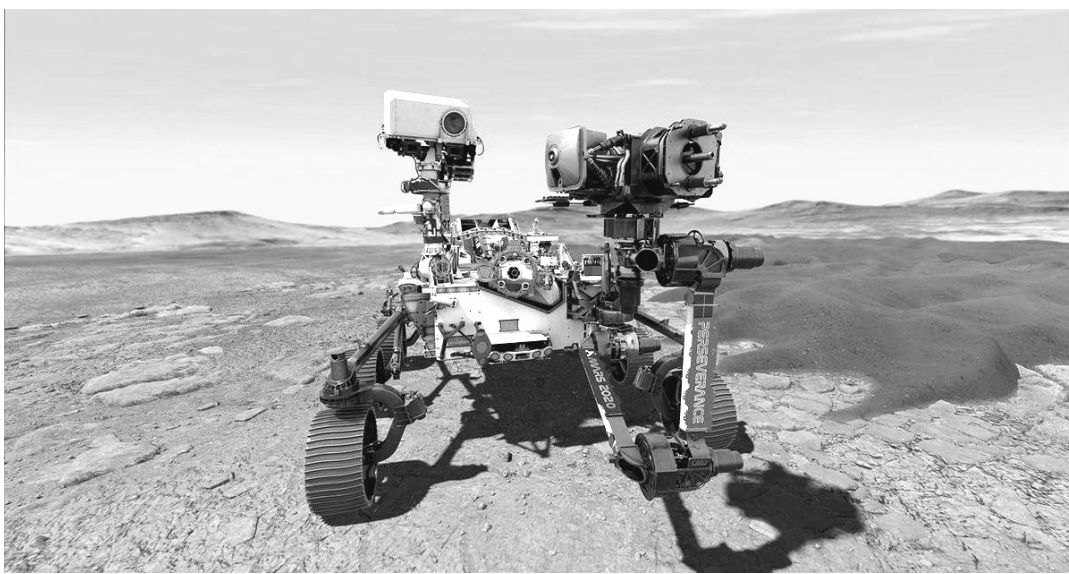
Небо голубое
Убрано звездами;
хочется узнать мне —
Что это за звезды?
Кто в них обитает —
Ангелы ль Господни,
Души ли отшедших,
Иль иные твари?
Знают ли хильцы те
Бедствия паденья?
Было ли для них там
Дело искупленья?..
Темен, непонятен.
Хитрая наука
Шлет ответ мне смелый,
Разум изумляя.
Но вопрос не тронут,
И сомненье в сердце
Голосом тревожным
Душу поражает.

Не могу отказать себе в удовольствии привести слова из писем святителя Феофана Затворника. В 1863 году он написал: «С удовольствием готов сказать Вам слово-другое в устранение Ваших недоумений. Вы уверены, что все небесные тела населены разумными существами, что эти разумные существа подобно нам, по склонности ко злу (уж почему бы не сказать, как падшие), имеют нужду в средствах ко спасению, что средство это и для них одно: изумительное строительство смерти и воскресения Христа Бога. Из этих мыслей вытекает у Вас неразрешимое недоумение: как мог Господь Иисус Христос быть для них Спасителем? Неужели мог Он в каждом из этих миров воплощаться, страдать и умирать? Неумение решить этот вопрос беспокоит и колеблет веру Вашу в Божественность домостроительства нашего

спасения.

Можно ли позволять, чтоб эту твердую колебали мечтательные предположения?

Хоть Вы издавна содержите мысль о бытии разумных существ на других мирах и хотя она имеет много за себя, — но все же она не выходит из области вероятных предположений. Очень вероятно, что там есть жители, — но все только вероятно. Сказать «есть» не имеете права, пока не удостоверитесь делом, что есть. Правильнее выражаясь об этом, я говорю так: вероятно, есть; а может быть, и нету. Мореплаватель подъезжает к острову: все признаки показывают, что там есть жители, — но всходит на него, и ничего не видит. Да что о мореплывателях! Перенеситесь мыслию к первому

времени, когда люди, еще не размножились: на каждом почти шагу Вы встретили бы местность с признаками несомненной обитаемости, а между тем, жителей не было нигде. Так и относительно тел небесных. Много имеется намеков, будто они обитаемы. Что удивительного, если они еще ждут своих обитателей, или их совсем там не будет: кто знает, чего хочет Господь относительно их! Надо бы побывать там, посмотреть и удостовериться делом, — тогда, пожалуй, смело можно говорить, что «есть», а без того нельзя больше сказать, как — «может быть».

Защищать истину против придумываемых вероятностей есть то же, что бороться с призраками. Вот почему Вы ни в одной богословской солидной книге не найдете опровержения своему возражению. Богословы не считали разумным делом опровергать мечты. Вот теперь у нас польское восстание. Вы командуете отрядом, подходите к лесу, слышите шум, видите дым кое-где и лютей с топорами. По всему видно, что тут мятежники. Однако ж, если бы ни с того ни с сего Вы начали правильную атаку, — Вас не похваляли бы. Вы могли атаковать мирных жителей, рубящих лес. Вам надо наперед удостовериться, что там мятежники, разведать их число и положение, — и тогда уже действовать против них. Зачем вступать в борьбу, когда нет нападений действительных, а только кажущиеся?

Так и здесь: доведите до очевидности, что есть жители на телах небесных, тогда и начнем опровергать все возникающие из того возражения против святой веры нашей.

Так как существование жителей на планетах есть только вероятность, а область вероятности неизмерима, то относительно их открывается охотникам

мечтать широкий простор. Вот и Вы сам, может быть, не замечая того, пустились в мечты, лишь только дали силу предположению. Предположив, что есть разумные твари на других мирах, Вы начинаете рисовать их быт, не имея к тому никаких данных. Вам следовало остановиться на предположении о существовании, на которое есть намеки, и сказать, что далее идти нельзя по недостатку данных; а Вы пошли далее. Дух пылливый покою Вам не давал и увлек Вас. Но пусть и так — беды еще нет большой — пометать, но поддаваться влиянию мечты — опасно. Следовало бы, по крайней мере, правильно вести свои мечты. Сказали бы себе, примером, так: существование разумных тварей на планетах очень вероятно, но что бы такое они были и каково

таки не останавливаться ни на одном, так как они все лишь вероятны.

Наконец, способ восстановления у Вас один: воплощение Бога, Его крестная смерть и воскресение. Мы веруем, что и у нас домостроительство спасения было свободным делом Божественной благодати, а не делом какой-либо вынужденной необходимости. Чрезвычайный образ восстановления у нас приспособлен к обстоятельствам нашим: но все же мы не можем сказать, чтоб он был актом необходимым. У Бога бездна премудрости. Церковь поет: Пришел еси от Девы ни ходатай, ни ангел, но Сам, Господи, воплотишься. Стало быть возможно было и ходатаю, и ангелу быть спасителем. У нас угодно было Самому Господу прийти воплотиться; а там, может быть, совершил дело спасения ходатай, или ангел, или еще кто. Если Вы потрудитесь пройти всю эту цепь мечтаний, то, конечно, не придете к вопросу: как же и там возможно спасение чрез Господа Иисуса Христа? Ужели и там Он воплощался? Если трудно решить этот вопрос, то признайте там уместность другого способа восстановления падших; ведь нет никакой необходимости стоять на одном. В нашей воле остановиться мысленно на том или другом предположении. Но и при этом держитесь той мысли, что все эти предположения, мечты, в которых нет ничего несомненно верного. Следовательно, и возражение, идущее от таких мыслей против святой веры, основанной на действительных фактах, состояться никак не может.

Вы приняли и остановились на одном течении мыслей; а их возможно множество. Допустив населенность разумными существами других миров, Вы полагаете, что они там тоже сотворены; а может быть, не сотворены, но переводятся туда именно с Земли? Земля определена быть рассадником жизни для всех планет. Как на Земле первоначально из одного места расселились люди по всем обитаемым странам Земли, так с Земли наполняются жителями все тела небесные. В доме Отца Моего, сказал Господь, обители многи суть (Ин. 14, 2). Почему не признать этими обителями небесные тела? Почему не допустить, что люди, по смерти, живут на той или другой планете, на том или на другом солнце, и, по Страшном суде, водворятся там вечно со своими телами? Скажете: отчего же такая честь маленькой Земле? Для Бога в тварях нет ничего ни большого, ни маленького. Он всех тварей Своих любит и о всех их равно печется. Если Он положил, чтобы на одной какой-либо планете был рассадник жителей, то для Него все равно какую бы ни избрать для этого. И какое тело Вы ни возьмите, все останется вопросом: почему оно избрано? Ибо всякое из них, в сравнении с целым мирозданием, будет ничто. Против такого предположения, как предположения, сказать нечего.

Далее, предположив бытие жителей на других мирах, ничто не мешает предположить, что они пребывали в воле Божией, сохранили себя в святости и чистоте, не нарушали заповеди Божией и не взбунтовались против Бога, как это случилось на нашей планете. Взбунтовалась одна Земля, а прочие миры остались совершенно спокойны. Но Бог, Которому дорога всякая тварь, не бросил нас, а устроил способ нашего восстановления, который приемля благоговейною верою, мы спасаемся.

В притче пастырь оставляет 99 овец и идет искать одну... Но нельзя допускать и ту мысль, что когда о Земле такое попечение, то другие миры забыты, и что, после сделанного у нас, там и делать ничего для них не остается. Цель творения есть слава Божия, или явление беспредельных совершенств Божества. У нас они явлены наипаче в домостроительстве спасения, а на других мирах они являются другими способами. Если предположить другой образ бытия разумных тварей и облаженствование их, то уж прямее предположить устояние их в своем чине, светлое состояние блаженных.

Но пусть и пали. Нет основания думать, чтобы им неизбежно нужно было воплощение, чтоб оно совершилось на каждой планете. Сила воплощения и искупительная жертва спасают нас чрез усвоение их верою. Почему не предположить, что искупительная жертва, совершенная на Земле, действовала благотворно и на другие миры? Почему не предположить, что и тамошние разумные

твари приняли ее верою, и таким образом спасаются? В способах Сообщения и произведения веры у Господа не может быть недостатка: есть даже ангелы, в служение посылаемые да хотящих наследовать спасение. Все планеты состоят между собою в связи и взаимовлиянии, для нас неведомом. Чтобы какая-нибудь из них была исключена из этого союза, этого предположить нельзя. Если физически существует такой союз — то почему же не предположить нравственного? Если в физическом отношении одно тело влияет на все прочие, с какими оно состоит в связи, то отчего же не допустить того же и в отношении нравственном?

Вот все, что пришло мне в голову сказать Вам в успокоение Ваше; и однако ж, не забывайте, что все это лишь предположительные мысли, без которых не только можно, но и должно обходиться. Видим убо ныне якоже зеркалом в гадании; а узрим лицом к лицу тогда! (ср.: 1 Кор. 13, 12). Высших себе не ищи, гово-

рит Премудрый; а яже ти повежданная, сия разумевай: несть бо ти потреба тайных. Многи бо прельсти мнение их, и мнение лукавно погуби мысль их (Сир. 3, 21, 22, 24)» (Свт. Феофан Затворник. Собрание писем. Из неопубликованного. М., 2001. С. 452–457).

Но я с недоверием отнесся бы к сообщениям о контактах с разумными существами. Любая религия считает, что человек — не единственная разумная форма жизни во Вселенной. Мы считаем, что духи могут обретать контуры физической плоти и вступать в контакт. Если «инопланетянин» начнет заявлять: «Христос был членом экспедиции с нашей планеты, побывал с разведывательной миссией на Земле. Вы его распяли, но мы вас прощаем. Вы плохо поступили с эмиссаром, но мы решили еще раз послать к вам посольство», — чего еще обсуждать? Поклонники «летающих тарелочек» желают того же, что и оккультисты: превратить Христа из Учителя в ученика. Для этого оккульти-

сты посылают Христа на выучку к индийским «махатмам» (мол, там Христос провёл свою юность до 30 лет). А уфологи организуют Христу прописку на другой планете. Если же вы согласитесь с тем, что Христос не Бог, а просто транслятор чьих-то «тайных знаний», то вскоре вам предложат напрямую обратиться к тем, кто когда-то «учил» Христа. И неважно, где эти «учителя» обитают: в гималайской Шамбале или на другой планете. Подобные мифы могут быть различны. Но жало у них общее — антихристианское. Дух, унижающий Христа, дающий ему «поцелуй Иуды» — это бес. Так что мы подождём аплодировать на пресс-конференциях с «инопланетянами».

(фрагмент из моей книги "Почему православные такие упертые?")
<https://diakuraev.livejournal.com/117324.html>

diakuraev.livejournal.com/117324.html

Мои посмертные приключения

Юлия Вознесенская

Я летала стоя, сидя, летала на спине, кувыркалась в воздухе. Ангел меня инструкторовал, веселясь, кажется, не меньше моего. Я очень скоро научилась различать и ловить восходящие воздушные потоки и парить на них. Я с восторгом промчалась сквозь одинокое облачко и вылетела из него вся мокрая, но тут же обсохла на ветру.

Летать пониже оказалось значительно труднее: надо было остерегаться врезаться в дерево или удариться о землю, но вскоре я освоила и эти премудрости. Какой ас во мне погиб, когда я слетела со своего мюнхенского балкона!

А больше всего мне понравилось играть над озером, где любопытные рыбы так и выпрыгивали из воды, интересуясь, что это за редкая птица к ним наведальась? Было очень здорово набрать скорость, со всего разлета нырнуть в воду и тут же вынырнуть и взмыть в воздух.

Налетавшись вволю в Долине, я попросила Ангела слетать со мной куда-нибудь за ее пределы. Он согласился, но взял с меня слово, что без него или кого-то из близких я покидать Долину не стану:

— Еще заблудишься или залетишь куда не следует. Ну, куда твои глаза глядят?

Я показала на снежные вершины. Мы выбрали самую высокую из них и полетели к ней, держась за руки. Вблизи она была похожа на громадный сверкающий снежный сугроб. Мы ее облетели кругом, выбрали ровную площадку на самом вершине и опустились на нее.

Снег лежал под ногами чистый и совсем не слежавшийся, как это бывает летом на ледниках в земных горах. Я ступала босыми ногами, проваливаясь по щиколотку, но не чувствовала холода — снег был не прохладней свежей простыни. Ангел предложил попробовать его на вкус: «Многим ученикам нравится!» Я слепила снежок и надкусила его, и он показался мне вкусным, как ванильное мороженое с лимонным соком.

— Выходит, сказки церковных старушек про то, как небожители сидят в Раю на облаках и уплетают мороженое, имеют под собой реальное основание?

— А как же! Если бы ты сейчас вернулась на Землю и рассказала обо всем увиденном, разве это не было бы похоже на сказку?

— Скорее уж на притчу... Ой! Ну, Ангел,

погоди!

Мой Ангел... — Нет, это все-таки именно мой и ничей другой Ангел, — он скатал снежок и запустил им в меня! Я не осталась в долгу и в свою очередь начала бомбардировать его снежками, и у меня это получалось куда лучше — ему явно не хватало агрессивности, чтобы победить в снежной схватке.

Но когда я оттеснила его градом снежков к самому краю площадки, он вдруг взмахнул крыльями и поднял ими такой снежный вихрь, что я уже не могла подойти к нему ближе. Взметенный им снег сверкал на солнце, и мне казалось, что весь мир вокруг нас искрится и смеется.

Когда мы вернулись с этой прогулки, дома уже начали беспокоиться обо мне. День подходил к концу, и вся семья собралась в гостиную у камина, где горел небольшой огонь. Мы провели чудный тихий вечер, предаваясь воспоминаниям. Много неизвестного поведали мне о прошлом нашей семьи Дед и обе бабушки, и очень они сожалели о том, что я не могу посетить дальние обители и познакомиться со всеми моими предками. О моем отце никто ничего не знал.

Услышав, как над нашими головами в моей комнате часы пробили двенадцать раз, я простилась со всеми и поднялась к себе.

Встав перед Казанской иконой Божией Матери, я проговорила: «Пресвятая Богородица, спаси нас. И спокойной Тебе ночи!» Так закончился мой первый день в Долине.

Глава 5

Потекли неспешно светлые и беспечальные дни. По утрам я исправно ходила со всей семьей в церковь, пыталась там молиться, но с возгласом «Оглашенные, изыдите!» сама послушно удалялась.

До конца литургии я была предоставлена самой себе. Обычно я отправлялась на одинокую прогулку и за несколько дней, пешком и летом, обследовала всю Долину.

Ах, как она была хороша! Гряда гор окаймляла ее слева, если смотреть по течению реки, а справа тянулись холмы, и над ними всегда была видна одинокая дальняя вершина с золотым Крестом: это была та самая гора Голгофа, куда мы ходили на поклонение к Богу. Каким-то непостижимым образом этот Крест

был виден из любой точки Долины и, как я позже узнала от брата, из любой точки мироздания, кроме Земли. Но, как сказал Алеша, перед новым пришествием Спасителя на Землю он будет так же одно временно виден и всем землянам. Это было непонятно, ведь Земля-то круглая, но я верила Алеше.

Самым чудесным в Долине мне казалось ее воздействие на мое новое тело. Оно крепло и молодело с каждым часом. Я буквально наливалась светом и силой. Когда я умерла, мне было лишь немного за сорок, ничем особенно я не болела, но возраст начинал сказываться: уже не было прежней легкости, я слегка перебрала в весе, от бдений за компьютером побаливала спина, а шейные позвонки иногда поскрипывали. Теперь обо всех этих признаках старения можно было забыть. Любое движение было радостно телу, зрение стало острым, как в юные годы, я напрочь позабыла об усталости.

Наслаждаясь этими чисто физическими радостями, я вспоминала о неверующих в загробную жизнь немощных стариках: как они, бедные, боятся смерти! Сколько сил и средств уходит на продление мучительного старческого существования!

А жалкие молодящиеся старухи, одуревшие от гормонов, изрезанные хирургами-косметологами: если бы они знали, что смерть — это эликсир вечной молодости! Впрочем, может, и хорошо, что до поры это скрыто от них, а то еще побежали бы наперегонки кончать с собой в целях омоложения.

После общей трапезы, к которой я старалась вернуться с прогулки, начинались занятия в дедовой школе. В павильоны я только заглядывала: там светились разноцветные экраны, звучала музыка, шли какие-то опыты в лабораториях. Но очень часто занятия проходили прямо в саду, в большой мраморной беседке или просто на поляне. Дед или Алеша садился на скамью, а слушатели окружали их внимательной стайкой, располагаясь прямо на траве.

Меня тянуло к ним. Я тихонько подходила, присаживалась позади всех в сторонке и добросовестно пыталась вникнуть в их рассуждения о Боге и Его мироздании.

Все ученики были молоды и прекрасны лицом, и тела их светились. Но до

Ангела или Деда им было далеко! Даже Алеша и Катя с Ниной были полнее светом, чем любой из учеников.

На меня вся эта молодежь посматривала с интересом и, как мне казалось, слегка сочувственно. Меня это ничуть не обижало: они избраны для Рая, хотя и должны пройти подготовительные курсы, а я тут человек сугубо временный и случайный. Все они отличались глубокой серьезностью в занятиях, будто стремились запастись знаниями на целую вечность.

Жили ученики поодиночке и небольшими группами, кто где хотел. Дома они сочиняли себе в соответствии с земными мечтами и представлениями об идеальной архитектуре, поэтому такой красивый издали городок вблизи иногда казался Диснейлендом: рядом с маленьким Парфеноном мог стоять индейский вигвам, а резной теремок соседствовать с игрушечным средневековым замком. Но все это строилось поначалу, когда они только прибывали с Земли и неистово пользовались возможностью материализации своих фантазий. Потом все эти игрушки надоедали, ученики переселялись в строгие павильоны или простые сельские домики, а их архитектурные измышления заполняли сады Долины очень живописными, но постепенно тающими руинами, от которых в конце концов не оставалось и следа.

Кроме занятий и богослужений, ученики много и охотно трудились. Они ухаживали за лесами и полянами в горах, за садами в городке, следили за чистотой ручьев и озер. Животные тоже нуждались в уходе и заботе: звери, птицы, земноводные так и льнули к людям.

Разумеется, среди них не было опасных, все хищники в Раю перешли на вегетарианскую диету. Больных животных я не встречала.

Как-то в полете я нечаянно задела и поранила стрекозу. Мы с Ангелом разыскали в траве изумрудную красавицу и отнесли ее к девушке, занимавшейся насекомыми. Она жила в стеклянном павильончике на острове. Мы рассказали свою беду и показали ей покалеченное насекомое. Она осторожно посадила стрекозу на ладонь и пригласила нас в свою мастерскую.

Действуя одними пальцами без помощи инструментов, она выправила и вылепила пострадавшее крыло.

Пока девушка возилась со стрекозой, я разглядывала яркие рисунки бабочек, сделанные прямо на стеклах павильона. На столе лежала огромная белая бабочка, изготовленная, как мне показалось, из бумаги. Рядом стояли стаканчики с кистями и красками.

Краешек крыла бабочки был тронут синей краской.

— Что это такое? — спросила я.

— Модель новой разновидности бабочек, — ответила девушка. — Я подбираю для нее окраску.

Вот так, совершенно случайно, приоткрылась завеса, и я узнала кое-что о том, к чему готовят учеников в школе моего Деда. Они смогут сочинять и раскрашивать бабочек!

Часто в часы школьных занятий Ангел приглашал меня совершить дальнюю прогулку. За пределами Долины летать самостоятельно мне не разрешалось, и Хранитель брал меня на руки. Эти полеты под его крылом, в его больших и крепких руках приводили меня в состояние ликующего счастья.

Ангелов любят птицы, и они часто сопровождали нас веселыми щебечущими стайками. Мимо нас проплывали легкие пушистые облака, а внизу один чудесный ландшафт сменялся другим. Мы спускались в места, которые приглянулись мне с высоты ангельского полета, и Хранитель был неизменно терпелив со мной: он мог часами спокойно ждать, пока я собирала раковины на берегу моря, синие альпийские колокольчики и нежно-серые эдельвейсы на краю ледников.

Однажды он показал мне обитель монахинь. Сверху она была похожа на утопающий в садах белый южный город, застроенный одними церквями; тысячи узорных крестов и крестиков издали казались сплошным золотым кружевом, наброшенным на темную зелень больших деревьев.

Мы сделали круг над обителью, и я увидела на ее улицах ослепительной красоты юных девушек, одетых в белые монашеские одежды. Они нас заметили и, улыбаясь, указывали на нас друг дружке. Некоторые махали нам рукой. Очень хотелось спуститься к ним и познакомиться, поговорить с ними, но это оказалось невозможным: стоило нам чуть опуститься, как я вынуждена была жалобно взмолиться:

— Ангел мой, летим домой! Тут очень разреженный воздух, наверное, у меня кружится голова. И глаза режет!

— Это не из-за воздуха, — сказал Хранитель, — здесь для тебя слишком избыточна Благодать Божия, тебе не по силам ее вынести.

Я видела, что моя никудышность печалит моего Ангела, но что же я могла поделать?..

Много дивных мест посетили мы с Хранителем, но почти всякий раз наши небесные прогулки заканчивались тем, что мы выбирали тихий уголок на природе и садились побеседовать. Без конца мы перетраживали и пересматривали мою жизнь, и он старался объяснить мне, что я не так делала, чем грешила и как должна была строить свою жизнь, чтобы избежать грехов и спасти душу.

По большей части я с ним соглашалась: еще бы мне было не соглашаться, после моего-то опыта на мытарствах! Но иногда наши беседы превращались в дискуссии.

— Вот вы все твердите мне, что Бог милостив к грешникам, — начинала я, — а еще утверждаете, что Он ни в чем не ограничивает мою свободу. Но ведь Бог не хочет, чтобы я грешила, так? И тем самым Он уже ущемляет мое право свободно распоряжаться своей судьбой.

— Нет, Бог действительно ни в чем не ограничивает тебя. Он хочет, чтобы ты сама себя ограничила. Он любит тебя и

ждет, что ты это сделаешь из любви к Нему.

— Почему же Он не скажет об этом прямо?

— Он сказал об этом предельно прямо. Ты ведь читала Евангелие?

— Конечно, и была потрясена им.

— Что же тебя потрясло?

— Красота стихов. Оно написано таким верлибром!

— О Господи! — Ангел всплеснул и руками, и крылами. — И тебе ни на миг не

пришло в голову, что Евангелие — это Благая Весть, обращенная непосредственно к тебе? В нем совершенно ясно изложены условия спасения твоей души — ты не заметила?

— Нет. Какие же это условия?

— Полное соблюдение заветов Христа.

— Что-то такое мелькало в моем уме, я даже пыталась представить себе, что будет со мной, если я начну жить по заповедям.

— И что же ты себе представила?

— Что я перестану быть самой собой, утрачу индивидуальность и даже могу превратиться в ханжу и лицемерку. Я сразу же отбросила эту мысль.

— И упустила шанс начать дело своего спасения.

— Ты знаешь, если бы я могла вернуться к той жизни, я бы теперь многое пересмотрела. Но что толку в поздних сожаленьях!

— В бесплодных сожаленьях толку нет, это так. Но милосердие Божие не знает предела.

— А если так, то Бог тем более должен принять во внимание смягчающие обстоятельства: разве Он не знает, в какой среде я росла?

— Вы так печетесь о своей личной независимости, а чуть дело коснется личной ответственности, как начинается: среда, четверг, пятница... А важно только Воскресенье! Пойми, что Он для твоего — именно твоего! — спасенья сошел на Землю, принял все ваши грехи на себя, был за них распят и воскрес. В этом твое личное спасение.

— Разве не вы с Дедом спасли меня на мытарствах?

— Дед смог протащить тебя через них только потому, что ты ему поверила и кинулась к нему за спасением. Если бы ты за секунду до смерти с такой же верой и любовью кинулась к Богу, ты была бы спасена для вечной жизни.

— Но теперь, когда почти все стало мне ясно и понятно, почему Бог хочет разлучить меня с моими близкими? Неужели Ему жалко уделить мне местечко в Долине? Я ведь не рвусь на седьмое небо, не стремлюсь к какому-то высшему духовному совершенству, — мне бы пожить спокойно здесь, на краешке Рая!

— Это ты сейчас так говоришь. Ты любишь свою семью, а не Бога. А без любви к Богу ты не сможешь жить в мире Его любви. Сейчас тебя подпитывают и держат в Благодати любовь и молитва Деда и всей семьи. Но они не могут быть твоими донорами целую Вечность. Стоит им удалить от тебя свое внимание, и все прежние страсти, не изжитые тобой при жизни, оживут в тебе и начнут действовать. Рай покажется тебе пресным и скучным, и ты не сможешь с этим бороться и впадешь в уныние. Ты завянешь, как растение, не имеющее собственных корней, как сорванный цветок в воде: как его ни лелей, он обречен на гибель.

Все это было грустно и убедительно. Как ни странно, но и в Раю мы говорили с Ангелом о бесах. Как-то я спросила его:

— Скажи, а есть ли в мироздании место, где можно обойтись без Бога, жить вечно по своей воле?

— Ты сказала «мироздание» — и этим уже все сказала, поскольку мир создан Богом. Но мир не оставлен Им после сотворения на произвол самому себе: мир держится одним Богом, лишенный Его благодати, он рассыпался бы в одно мгновение и перестал быть. Можно ска-

зать, что существует один Бог, а мы все — Его творение, существующее по Его произволению. Можно быть от Него дальше, можно быть ближе, но быть вне Его невозможно.

— А Сатана и бесы? Они ведь явно обходятся без Бога.

— Нет, они были также сотворены Богом.

— ?!

— Да, и я помню, каким был Сатана в прошлом, когда он звался Денницей.

— Я помню, я читала, что Сатана — бывший верховный ангел. Выходит, что, создавая Денницу, будущего Сатану, Бог Сам создал мировое Зло? Или Зло сотворил Сатана? Но в таком случае он действительно творец и демиург, как он сам себя величает.

— Да врет он все, ничего он на самом деле не создавал! Я помню, как он и вся его рать объявили, что разрушат старый мир до основания, а затем построят новый мир лучше прежнего. Ну, и где же этот новый мир?

— Наверное, это Земля со всеми грехами и грешным человечеством? Сколько там всего создано Сатаной: войны, радиоактивное и биологическое оружие, разрушение экологии, преступления и убийства. В общем, все скверное и разрушительное на Земле — это мир, построенный Сатаной и его воинством.

Ты правильно выбрала определение — разрушительное. Все, что Сатана будто бы создал, есть на самом деле не что-то вновь созданное, а лишь искажение и разрушение созданного Богом. Самостоятельно Сатана не сотворил и пылинки. Смерть есть разрушение жизни, ненависть — разрушение любви, грехопадение — разрушение первоначального естества человека. Он претендует на творчество, но творить ему нечем, поскольку для этого процесса требуется Божия сила и Божие соизволение. А по ходу дела, будто бы конкурируя с Творцом, падшие ангелы не только создали космическую карикатуру на творческий процесс, но исказили, сами того не желая, и самих себя, потеряли ангельский образ — и остались без образа, стали безобразными. Ты заметила, как изменчива, текуча их внешность?

— Да. Они как будто не могут удержать себя в рамках одного облика и все время из меняются на глазах. И Сатана тоже.

— Это потому, что у них нет подлинного бытия. Их существование, каким бы долгим оно не казалось по человеческим представлениям, в сущности есть растянутое во времени саморазрушение. Их бытие катастрофично, они не живут — они гибнут. Отвергнувшись Бога, они бросили самих себя в пропасть разрушения и миллионы лет летят и летят на дно, чтобы в конце концов достигнуть положенного Богом предела.

— Они верят в Бога?

— Как они могут не верить в Того, с кем пытаются вести войну? Атеизм ими придуман для соблазна людей, а сами они в такую ерунду, естественно, не верят. В бессильной злобе они стремятся увлечь за собой в страшную воронку небытия хотя бы часть созданного Богом. И в первую очередь вас, людей, по сколько человек — любимое творение Божие.

— Не знаю, может, я и не умею еще как следует любить Бога, но Сатану и бесов я определенно ненавижу!

— Этого мало, но и это уже хорошо. Тебе, кстати, никогда не приходило в голову, что борясь с советским режимом, ты, в сущности, боролась с Сатаной, поскольку это был сатанинский режим?

— Многие его так называли, но я полагала, что это метафора.

— Какая такая метафора! Россия была отдана во власть ему за грехи.

— Мы думали, что диссидентство — политический фактор, а оказалось, что это — орудие Божие.

— Однако у тебя и самомнение!

— Опять гордыня?

— Она самая. Зерно в этом есть, по-

скольку любое стояние в истине угодно Богу, но только при условии, что это делается ради истины, а не ради себя, не для самоутверждения.

Я смутилась и постаралась вернуть разговор в прежнее русло:

— А тебе не жаль бесов? Ведь это твои бывшие собратья.

— Как бы ты отнеслась к уроду, который забрался в родильный дом и перерезал всех младенцев, чтобы из них не выросли здоровые и красивые люди?

— Постаралась бы остановить его, а если нельзя иначе — убила бы. Его жаль, но детей жалче.

— Так и мы, ангелы. Нам в первую очередь жаль порученных нам детей — вас, людей. Бог хочет, чтобы вы стали духовно здоровыми и красивыми, то есть вернулись в естественное безгрешное состояние, а Сатана из зависти хочет вас расплечь и погубить.

— Неужели Бог не может вырвать всех грешников из ада, простить их и поселить в Раю?

— И во что превратится Рай? Грешники понастроят супермаркетов и дискотек, придумают моду и начнут производить модные вещи, разделятся на партии, церкви превратят в дискуссионные клубы, — и очень скоро бедный Рай превратится в ухудшенный вариант Земли, и останется только пригласить сюда бесов! — Почему же вариант будет «ухудшенный»?

— Потому что грешники получают больше возможностей грешить. Вот ты видела девушку, сочиняющую бабочек. При жизни это была художница-пейзажистка, верующая, она даже пыталась писать иконы. Ей никогда не придет в ее умную головку вместо своих невинных летуний создать для разнообразия какого-нибудь монстрика. Но представь на ее месте юнца, начитавшегося ваших «ужасиков»: что может удержать его от попытки сотворить для собственного развлечения летающих вампиров и запустить их в космос? Хотя бы затем, чтобы потом весело охотиться на них со своими друзьями. От скуки чего не придумаешь.

— Не сердись, но и я бы не отказалась поохотиться на каких-нибудь горгулий, вроде тех, например, что расселись по крыше и карнизам собора Нотр-Дам: они такие забавные в своем страхолодстве!

— До сих пор это они на тебя охотились. Ты забыла, что эти самые горгульи, которых парижане считают хранителями своего города, на самом деле бесы. Кстати, на Земле множество людей сейчас одержимы бесами. Их что, пригласить в Рай вместе с живущими в них паразитами?

— А что будет, если взять и пригласить?

Ангел улынулся:

— А ты знаешь, ничего особенного не будет: они просто растворятся в райском свете без остатка, аннигилируют и хозяева, и паразиты.

— Так бесы могут паразитировать в людях?

— Если душа не имеет защиты Святого Духа, они вселяются прямо в душу, разъедают ее с помощью греха и тем самым губят.

— А во мне при жизни обитали бесы?

— Внутри — нет. Тебя хранили от них таинство Крещения и молитвы твоего Деда. Ну и я охранял тебя как мог. А вот снаружи ты бывала облеплена ими, как пиявками. К тебе порой приблизиться было невозможно, такой стоял от них смрад. Что ты морщишься? Не нравятся мои слова? Но если бы ты могла себя видеть в их окружении, ты бы с ума сошла от ужаса и отвращения. Это великая Божья милость, что вам при жизни не дано видеть бесов.

С этим я была абсолютно согласна — век бы их не видать ни в той, ни в этой жизни!

Вот так и выходило, что сидя, можно сказать, на краю Рая, мы то и дело говорили о бесах. Много поведал мне мой Хранитель о мире духов, о тайнах вечности, но не все я тогда поняла и запомнила, а много чего не могла бы пересказать, даже если бы и захотела: Ангел наложил запрет, и нарушить его я не смею.

После моего Ангела больше всего времени уделял мне Алеша. Я его любила как бы заново, в новом качестве. В детстве, сколько я себя помнила, он всегда был рядом. Маленьких нас возили в одной коляске, до пяти лет мы спали в одной кровати и всегда засыпали обнявшись. Мне казалось, что мы одинаково думали и чувствовали. Мы и болели одними болезнями, кроме той злополучной скарлатины: он ее подхватил во время зимних каникул, которые я проводила в детском спортивном лагере за городом. Когда я вернулась, все уже шло к концу...

Горю об Алеше, я всегда представляла его своим ровесником, а вот теперь выглядел он лет на десять младше, но по уму и духовному развитию был, конечно, моим старшим братом.

Алеша без конца расспрашивал меня о нашей жизни без него, о болезни и смерти мамы, об отце. Его искренне интересовала моя жизнь с Георгием. Но он отказывался говорить со мной о политике или на какие-то отвлеченные темы, похоже, что его не волновали даже события в России: он заявил, что это только внешняя сторона духовного процесса. — Ты не жалеешь о том, что умер маленьким? — спросила я его как-то.

— Я жалею о том, что не умер раньше: я мог бы со временем стать ангелом, если бы умер до семи лет.

— Все маленькие дети, умерев, становятся ангелами?

— Нет, только крещеные. Но хорошо и то, что Дед выпросил у Бога для меня раннюю смерть: если бы я не умер, я бы погиб.

— Как это?

— Очень просто. Я неизбежно попал бы под влияние отца, и мы с тобой стали бы врагами. Ты знаешь, кем бы я стал?

— Кем?

— Сотрудником отдела КГБ по борьбе с диссидентами.

— Не могу в это поверить!

— Я это знаю точно, я видел схему, по которой должно было идти мое развитие. — А где теперь наш отец?

— Не знаю. Поначалу я пытался это выяснить, но потом понял, что дело это безнадежное.

Я пыталась рассказать брату о своих путешествиях за границей, об Австралии, Индии и Японии, где мне довелось побывать, но он и тут удивил меня.

— Я все это видел и везде побывал. Я путешествовал по всем странам, о которых мечтал в детстве. Несколько дней после моей смерти мы с Дедом посвятили путешествиям по Земле. Тогда мне это казалось удивительным и прекрасным, но попав сюда, я быстро все забыл. Мальчишке здесь было гораздо интересней: можно было попасть в любое время человеческой истории, и несколько лет я увлеченно этим занимался, пока не понял, что человеческая история, в сущности, очень печальная повесть.

— А что ты видел, какие исторические события?

— Видел Крещение Руси. Еще разные знаменитые сражения, я все-таки попал сюда пацаном, и мне занятно было увидеть свои ми глазами Бородинское сражение, а потом битву при Ватерлоо. Позже меня интересовали более важные для человечества моменты истории: я ходил вместе с апостолами, когда они сопровождали Спасителя, видел смерть мучеников за веру, наблюдал создание первых монастырей. Я был ребенком, поэтому захотел познакомиться со львом Иорданом и с медведем святого Серафима.

— Кто такие Иордан и Серафим?

Алеша принимался рассказывать мне благочестивые христианские истории, от которых я скоро начинала зевать.

Он тоже пытался меня воспитывать и очень огорчался тем, что я не умею молиться.

— А я вот не понимаю, зачем Господу ваше хоровое пение? Неужели Он и так не знает, что вы Его любите и поклоняетесь Ему?

— Конечно, Господь это знает. А вот зачем ты мне по десяти раз на день говоришь о своей любви?

— Чтобы ты знал. И потом, я ведь так соскучилась по тебе, Алешенька!

— Если бы ты знала, как любят Бога и как скучают по нему настоящие боголюбцы... Но говоришь ты мне о своей любви не для информации, а потому, что тебе радостно это говорить, а мне — слушать. Вот так и в общении человека с Богом, то есть в молитве: нам радостно славить Его, а Ему радостно это слышать.

— Но зачем для молитвы толпиться в храмах? Можно молиться и по одному.

— А ты помнишь, как мы вешались на отца и наперебой кричали ему, что любим его, и как это было радостно нам, и как он любил, чтобы мы встречали его с работы?

— Мы были детьми.

— По отношению к Богу мы всегда остаемся детьми.

— Неужели ты искренне любишь Бога больше, чем любил отца? Ты ведь был его любимчиком!

— Конечно, Бога я люблю гораздо больше.

— И больше, чем Деда? И больше, чем меня? — Алеша смеялся и кивал утвердительно. Я обижалась.

Вечерами мы всей семьей собирались у камин. Топили его не для тепла, а для уюта.

Разговоры моих близких мне в основном оставались непонятными, но мне просто хорошо было сидеть с ними у огня, вспоминать увиденное днем и расспрашивать всех обо всем. Все были очень ласковы со мной и баловали меня как могли. Мне наливали бокал какого-то напитка, вкусом и цветом напоминавшего лучшее бордо, мое любимое вино. Напиток этот веселил, но не опьянял. Я потягивала его маленькими глотками, смотрела на угольки в камине, слушала милые голоса, часто и не слушая, о чем они беседуют. А беседа шла не только о делах в школе и в Долине, но и о подвигах святых, о грядущих судьбах мира и России, и больше всего, конечно, о Боге.

Потом я прощалась, шла к себе наверх, читала перед иконой Богородицы свою единственную молитву и желала Ей спокойной ночи.

Шел шестой день моего пребывания в Долине. Время моих райских каникул подходило к концу, оставался единственный последний денек. С утра у меня было тревожно на душе. Алеша отменил свои занятия, чтобы провести этот день со мной.

— Чем вы собираетесь заниматься? — спросил Дед.

— Просто погуляем, я думаю, — ответил Алеша.

— Мне передали, что Аннушку хочет видеть Ольга. Аня, хочешь познакомиться с первой христианкой в нашем роду? Это твоя прапрапра-очень-много-раз-прабабушка, она живет неподалеку.

— Она старая?

— Здесь нет старых. Ей тридцать три года, как и всем.

— Я хотела спросить, давно ли она здесь живет?

— Больше двух тысяч лет.

— А мне говорили, что со временем души уходят в такие глубины Божиего Царства, о которых я даже слышать не достойна.

— Она осталась здесь, на краю Рая, и на это есть особая причина. Возможно, она тебе об этом расскажет. Я подозреваю, что за этим она и зовет тебя к себе. Ле-

тите, милые!

И мы полетели с визитом к моей незнакомкой-раз-пра-бабушке. По дороге Алеша сказал, что место, где она живет, называется Хрустальной долиной. Чтобы попасть в нее, надо было пролететь над хребтом с вечными снегами и пересечь несколько долин.

Когда мы стали снижаться над Хрустальной долиной, я ахнула от изумления. Вся долина сверкала и искрилась на солнце, и этот блеск был бы нестерпим, если бы не смягчался мельчайшей водяной пылью, растворенной в прохладном воздухе. В этом перламутровом тумане дно долины сверху не просматривалось, были лишь видны многочисленные водопады и водопадники, некоторые не крупнее нитки хрустальных бус, они падали с зеленых многоступенчатых утесов, поросших кустами и папоротниками, и разбегались понизу бесчисленными ручьями и ручейками.

Мы опустились на берег горного потока, бегущего посреди долины, и я увидела, что вся она от горных склонов и до водных заводей переполнена цветами. Но какими цветами! Ни на Земле, ни в Раю я не встречала ничего подобного. Если бы эти цветы не росли из земли, я бы подумала, что они сделаны из хрустала — они были прозрачными!

Я бросилась к ближайшему кусту больших колокольчиков и опустилась перед ним на колени. Я их благоговейно разглядывала, лаская их кончиками пальцев. Их нежные колокольцы были как бы тронуты тончайшей радужной кистью по краям и прожилочкам; сквозь стенки колокольчиков были видны серебристые тычинки и даже мои пальцы, трогавшие цветы.

Другое чудо было уже не для глаза, а для уха — колокольчики эти нежно звенели при малейшем дуновении ветерка. Приглядевшись, я поняла природу этого звона: шарики тычинок висели на тоненьких нитях и, вздрагивая, тычинки ударялись о стенки цветка изнутри, издавая едва слышный звон.

— Аннушка, нас ждут! — Алеша тронул меня за плечо. Я с трудом оторвалась от созерцания хрустального дива, поднялась с колен и оглянулась.

Неподалеку от берега стоял небольшой бревенчатый дом, почти хижина, под толстой и лохматой камышовой крышей, нахлобученной почти по самые окошки, на гребне крыши длинной куртинкой росли ирисы, прозрачные, с дымчатым лиловым оттенком, простенький дом был как бы увенчан аметистовой короной.

На пороге хижины стояла белокурая красавица в белом платье, отделанном широкой каймой голубых и сиреневых тонов, с тонким серебряным обручем на распущенных волосах. Я догадалась, что это и есть Ольга.

— Так значит, ты — мой самый последний потомок с Земли? Спасибо, Алеша, что исполнил мою просьбу и привел ее. Проходите в дом!

В хижине была всего одна комната. Один ее угол занимал грубо сложенный очаг из дикого камня, в другом стоял деревянный ткацкий станок, с виду очень древний, на нем была натянута пестрая ткань. Перед двумя маленькими окошками размещался большой дубовый стол, а возле него, с одной и с другой стороны, две широкие лавки. Еще одна такая же лавка под стеной напротив была покрыта домотканым покрывалом, и на ней лежали тяжелые старинные книги и стояли глиняные и медные сосуды, а по стене над лавкой была протянута веревка с пучками сухих трав.

Ольга поставила на стол кувшин молока и кружки, на круглую резную доску выложила нарезанный толстыми ломтями хлеб, от которого шел аппетитный теплый запах, поставила плوشку с кусками медовых сотов.

— Угощайтесь, милые гости, дорогие правнуки!

Алеша прочитал молитву и благословил трапезу. Мы молча пили молоко и ели хлеб с медом, поглядывая на Ольгу, а она задумчиво разглядывала нас, сидя напротив со сложенными на коленях руками.

— Спаси Господи, прабушка! — по-райски поблагодарил ее Алеша, когда мы наелись.

Мне понравилось, что вместо того, чтобы повторять, как вороненок: «Пра... пра... пра...», — он и «прабабушку» сократил до «прабушки».

После трапезы Ольга показывала нам свою долину и рассказывала о хрустальных цветах, которые сама сочиняла и выращивала:

— Расты они могут только при изобилии влаги в воздухе, под прямыми солнечными лучами они сразу же вянут и засыхают. Правда, они, и высохнув, не теряют красоты и прозрачности, но становятся очень хрупкими; иногда их берут у меня для украшения церквей к праздникам. А в основном это цветы для украшения водопадов и горных потоков.

У самой воды стояла каменная скамья, поросшая мхом и лишайником. Прабушка пригласила нас присесть:

— Я хочу поведать Анне свою историю. Да и ты, Алеша, послушай, я и тебе никогда не рассказывала.

Глава 6

Родилась я и выросла на балтийском берегу за много лет до того, как в далекой Иудее родился наш Спаситель. Моим мужем стал знаменитый воин-варяг, ходивший на добычу по многим водам. Сейчас мы его славный промысел назовем попросту морским разбоем, а в те времена о его подвигах слагали саги.

Погиб он рано, но пал не в морском сражении, а от руки подосланного завистником-соседом подлого убийцы. У нас уже был маленький сын, но он не мог удержать меня: я поцеловала ребенка, передала его матери и бросилась с высокой скалы в море, всего на несколько часов отстав от любимого мужа на пути в загробный мир.

Я слушала свою прародительницу очень недоверчиво: неужели в Раю находят приют безумцы и сохраняют тут свое безумие? Ну ладно, о варяжских наших корнях спорить не приходится, светлые волосы и голубые глаза, доминирующие у нас в роду, даже подтверждают варяжскую теорию в отдельно взятой семье. Но в общем получалась явная несуразница. Как ни мало я была образована в христианстве, но одно мне было ясно: Ольга, а точнее, Хельга, была язычницей, родилась до Христа да еще покончила с собой, — она не могла оказаться в Раю!

Моя прародительница между тем продолжала:

— Больше ста лет мы с моим мужем бродили в адском сумраке, держась за руки, — мы и там продолжали любить друг друга. Он думал, что попал в ад только потому, что погиб не в бою, а от удара ножом в спину: если бы он пал в сражении, как подобает варягу, он пировал бы в небесных чертогах Валгаллы с доблестными воинами, павшими в битвах, а не шатался в долинах скорби.

В аду мы увидели своих богов, чьим изображениям поклонялись при жизни. Вы догадываетесь, что это были бесы. Мы умерли молодыми, мы любили красоту, а потому не захотели признать своими богами гнусных и злобных тварей, хотя и находились в полной их власти. Муж мой даже пытался с ними сражаться, как это делали герои саг, но, став бедной тенью, он потерял свою силу, хотя и не утратил мужества. В наказание за бунт нас швырнули в непроглядную тьму черного адского огня, и мы там долго страдали и мучились, но по-прежнему не расставались.

(Продолжение в №134)

История Православной Церкви

Дворкин

Александр Леонидович.
(Очерки по истории Вселенской Православной Церкви)

(Продолжение. Начало в № 27-133)

Св. Марк отказался подписать унию 1439 г. и по возвращении в Константинополь стал лидером православных. После кончины свт. Марка в 1445 г. это лидерство перешло к его ученику Георгию Схоларию.

3. Один из главных источников знаний о соборе - мемуары диакона Сильвестра Сирополуса, великого епископа храма св. Софии Константинопольской. В них можно найти не только рассказ о самом соборе, но и множество бытовых сведений и других весьма характерных зарисовок, сделанных на редкость приметливым наблюдателем и участником событий. Как греческие, так и латинские стенограммы собора были утеряны. Имеется лишь их реконструкция, сравнительно недавно (1953 г.) созданная иезуитским историком Дж. Гиллом. Из современных собору источников можно указать еще на его историко, написанную ревностным униатом - Дорофеем, митрополитом Митиленским (он даже получил денежное вознаграждение от папы за свой труд), и автобиографическое сочинение свт. Марка Эфесского "Изложение Святейшего Митрополита Эфесского о

том, каким образом он принял архиерейское достоинство, и разъяснение о соборе, бывшем во Флоренции".

Собор долго не мог начаться. Хотя официальное его открытие состоялось 9 апреля 1438 г. (через месяц после того, как византийцы прибыли в Феррару), император немедленно запросил отсрочки, чтобы дождаться прибытия светских правителей. Кроме того, задерживали вопросы протокола, например, кто должен созывать собор - папа или император? Чей трон должен быть выше? Папа с самого начала потребовал, чтобы патриарх Иосиф при первой встрече поцеловал бы ему туфлю по латинскому обычаю, и только после твердого отказа греческой стороны снял свое требование.

Лишь в начале июня были назначены две комиссии по десять человек с каждой стороны, которые приступили к обсуждению вопроса о чистилище. Другие тринадцать сессий, с 8 октября по 13 декабря, были посвящены интерполяции Символа веры. Во время этих заседаний Марк Евгеник являлся главным представителем византийской стороны, а Андрей Родосский и кардинал Чезарини - латинской.

Как уже отмечалось выше, Георгий Схоларий честно признавал, что его соотечественники не могли сравниться с латинянами ни по эрудиции, ни по диалектическому мастерству. Патриарх Иосиф был к тому времени уже в весьма преклонных летах. Незаконный сын болгарского царя и греческой аристократки, он был добродушным старичком, не отличавшимся ни выдающимися умственными способностями, ни крепким здоровьем и не имевшим никакого веса или авторитета. Так что ему не удалось сплотить греческую делегацию в единое целое. Каждый выступал сам от себя, в отличие от латинской стороны, действовавшей единой сплоченной командой. Более того, греки часто вступали в разногласия друг с другом. Их задача осложнялась позицией императора. Несмотря на его желание не уронить достоинство своего имперского величества и своей Церкви, он прибыл на собор, чтобы добиться унии любой ценой. Иоанн VIII достаточно разобрался в богословии, чтобы понимать, что по ряду фундаментальных вопросов единства достичь было невозможно. Он попросту запретил своей делегации обсуждать такие вопросы, как ипостаси Св. Троицы, различие

сущности и энергий и др. Когда при обсуждении вопроса о *filioque* один из членов латинской делегации поднял вопрос об энергиях Бога, сам свт. Марк Эфесский со смущением ответил ему, что не имеет полномочий обсуждать этот вопрос. Трудно себе представить, как мог прийти к подлинному единству собор, на котором нельзя было обсуждать основные вопросы, бывшие главной причиной разделения.

В конце концов греки сдались. В официально утвержденной повестке собора стояли следующие вопросы для дискуссии:

- 1) чистилище;
- 2) исхождение Св. Духа;
- 3) роль папы;
- 4) квасной или пресный хлеб Евхаристии и иные богослужебные различия (например, Эпиклеза и т.д.).

Другие вопросы, типа брака священства и возможности развода, решили обсудить позже. Было согласовано, что основой для дискуссий будут: Писание, каноны Вселенских Соборов, творения отцов Церкви, признанных святыми и на Западе, и на Востоке.

Греки после определенного давления согласились на своеобразный "нулевой вариант": каждый латинский отец считался равным по авторитету с греческим отцом. Таким образом, латиняне получили еще одно преимущество, ибо они знали и латинских и греческих отцов, в то время как греки в основном знали только своих.

По словам видного американского православного историка Дж. Эриксона, "в дискуссиях обе стороны не смогли приблизиться к разделявшим их серьезным догматическим вопросам. Латиняне не хотели замечать не только главных интуиций и опасений греческой святоотеческой традиции, но и многих аспектов латинской традиции. Давая неверную оценку значимости и весомости своих зачастую сомнительных источников, они лишь пытались влихнуть чужое богословие в прокрустово ложе собственной системы" (*Filioque and the fathers at the Council of Florence*).

Итак, комиссии работали с 8 октября по 13 декабря 1438 г. Тем временем удалось договориться, что открывает собор папа, но как бы с санкции императора.

Лишь после всех этих дискуссий 6 июля 1439 г. кардинал Джулио Чезарини и митрополит Виссарион Никейский поргчески и по-латыни провозгласили объединение Церквей.

4. Как видно из вышеизложенного, на Ферраро-Флорентийском соборе было весьма мало пленарных сессий. Большая часть важной работы проделана в небольших группах и комиссиях. Именно на этих встречах эксперты с обеих сторон обсуждали, исправляли и в конце концов одобряли пункты, из которых и состояло принятое в июле 1439 г. постановление собора, носившее название *Laetentur caeli*. Лишь вступление и заключение этого документа были написаны дополнительно.

Условия объединения были следующими:

1. **Чистилище.** Хотя византийцам учение об очистительном огне казалось весьма второстепенным, по настоянию латинян учение о чистилище стало первым вопросом на повестке дня Ферраро-Флорентийского собора и весьма подробно обсуждалось обеими сторонами. Ему также посвящена значительная часть *Laetentur caeli*. Этот вопрос иллюстрирует принципиально различный подход обеих сторон к учению о спасении.

В отличие от других вопросов, обсуж-

Первое заседание состоялось 8 января 1439 г. Но к тому времени папская казна окончательно опустела. В декабре в Ферраре вспыхнула эпидемия моровой язвы, что дало удобный повод перенести соборные заседания во Флоренцию, предложившую свое гостеприимство. Так греки все же оказались отрезанными от моря. Во Флоренции первое время возобновились частные дискуссии и переговоры на комиссиях о предметах соборного рассмотрения.

Собственно соборные заседания проходили со 2 марта по 26 августа 1439 г. Первые восемь сессий (2-24 марта) концентрировались исключительно на тринарных импликациях *filioque*. Заседания сопровождалась жаркими дебатами о подлинности патристических текстов, используемых каждой из сторон.

Но это не было единственным источником напряженности. На заседаниях собора происходили разные не слишком красивые сцены. Грузинский епископ обвинил его участников в язычестве, так как, по его мнению, на соборе обсуждались главным образом доселе неизвестные ему язычники Платон и Аристотель.

давшихся на соборе, проблема чистилища была сравнительно нова. Лишь в XIII в. византийцы впервые узнали об этом латинском учении. Первая известная нам дискуссия на эту тему произошла в 1235 г. в Отранто (Апулия) между митрополитом Корфусским Георгием Барданесом и неким францисканцем по имени Варфоломей. Как ясно из рассказа последнего об этой встрече, митрополиту весьма не понравилось новое учение о "третьем месте" и "очистительном огне". Именно епископ Георгий создал неологизм "purgatorion" (чистилище) для обозначения этого учения. Поначалу греки уравнивали его с ересью всеобщего спасения (апокатастасис), но вскоре им представился ряд случаев разобраться в нем получше.

В 1254 г. папа Иннокентий IV попытался навязать это учение православным Кипра. Его официальное письмо, датированное 6 марта 1254 г., называют "свидетельством о рождении чистилища как доктринально определенного места".

Следующим шагом в истории чистилища был печально знаменитый Лионский собор (1274 г.), на котором византийским посланцам было велено принять это вероучение от имени императора Михаила VIII. Формула, содержащаяся в этом

Виссарион прилюдно назвал Марка Эфесского бесноватым, на что тот ответил ему: "Ты ублюдок, что и доказывает твоим поведением!" Некоторые греческие епископы услужливо доносили папе, что Марк называет его еретиком. Забегая вперед, можно сказать, что упорство и строптивость Эфесского митрополита вызвали такой гнев императора, что тот в конце концов приказал поместить его под стражу и не выпускать на все время заключительных переговоров на соборе.

Все это завело собор в очередной тупик, и с 24 марта по 27 мая работа вновь проходила лишь в комиссиях. Римская курия, страдавшая от безденежья и раздраженная несговорчивостью греков, прекратила выдавать им субсидии на содержание, и те начали терпеть лишения. В то же время высшие католические прелаты прилагали огромные усилия, чтобы очаровать греков и склонить их на свою сторону.

Виссарион подружился со многими гуманистами, с которыми его роднила любовь к греческой античности. Не сдавался один только Марк Эфесский. Плифон вообще давно перестал ходить на

мало интересовавшие его соборные заседания: он читал лекции в различных учебных заведениях и в кружках своих поклонников и наслаждался вниманием и славой. Правитель Флоренции Козимо Медичи основал в его честь Платоновскую Академию.

В конце мая патриарх Иосиф сдался и принял решение все подписать. Однако 10 июня он умер. Один член греческой делегации ехидно сказал, что как приличному человеку, растерявшему остатки своего престижа, ему ничего другого просто не оставалось сделать. Он был похоронен в той же церкви, где проходили заседания собора, - Santa Maria Novella. Его гробница до сих пор находится там.

А работа собора продолжилась. Свт. Марк к тому времени уже был под стражей и не принимал участия в дискуссиях. В течение последних шести недель обсуждали целый ряд вопросов, в том числе верховенство римского папы, евхаристия и вновь чистилище.

имперском исповедании веры, позднее включена в богословское определение собора.

По всей видимости, к 1438 г. латинское богословие чистилища, в которое попадают души, успевшие покаяться, но не успевшие перед смертью сотворить всех искупительных работ за свои прижизненные грехи, было уже весьма хорошо разработано. Западные делегаты на Ферраро-Флорентийском соборе утверждали, что это учение - апостольское, святоотеческое и обязательное для всей Церкви. Для них чистилище было местом в потустороннем мире, куда попадают души для совершения искупительной работы через наказание за свои неискупленные грехи. Хотя вина за грех, как они считали, завершается со смертью, но наказание так или иначе должно быть понесено.

Учение это невозможно понять вне легалистической латинской системы, в которой для объяснения эсхатологических реалий используются юридические концепции. За этой доктриной лежит легалистическое убеждение, что Божественная справедливость требует удовлетворения. Именно поэтому души после смерти должны понести искупительные наказания для "отмены" своих грехов.

Эта расписанная до мельчайших деталей эсхатология основывалась прежде всего на авторитете Рима, схоластической теологии и на ряде положений некоторых латинских отцов, в особенности свт. Амвросия Медиоланского и свт. Григория Великого. Так что латинянам было на что ссылаться. В отличие от них греческая патристическая литература, как правило, обходит молчанием конкретные вопросы посмертной участи человека, вполне резонно считая неблагочестивым пытаться проникнуть в тайны Божественного домостроительства.

В связи с этим византийцам пришлось формулировать ответ на учение о чистилище прямо на соборе. Свт. Марк Эфесский доказывал, что ни богослужение Церкви, ни отцы, ни Писание не дают основания для идеи о чистилище. Он отмечал, что практика и предание Церкви молчат и о промежуточном состоянии или месте для душ после смерти, и о материальном огне, не говоря уже о схоластическом различии между виной и наказанием.

(Продолжение в №134)

Дорогие братья и сестры, приглашаем вас на богослужение!

Расписание богослужений

Март

Пн. 15.03.2021 г. — Сб.01.05.2021 г. Великий пост.

Пн. 15.03.2021 г. – Чт. 18.03.2021 г. – На великом повечерии читается Великий канон св. прп. Андрея Критского.

Сб. 20.03.2021 г. — 16:00 — Всенощное бдение.

Вс. 21.03.2021 г. — 09:00 — Божественная литургия. Неделя 1-я Великого поста. Торжество Православия.

Сб. 27.03.2021 г. — 16:00 — Поминовение усопших. Всенощное бдение.

Вс. 28.03.2021 г. — 09:00 — Божественная литургия. Неделя 2-я Великого поста. Свт. Григория Паламы.

Апрель

Сб. 03.04.2021 г. — 16:00 — Поминовение усопших. Всенощное бдение.

Вс. 04.04.2021 г. — 09:00 — Божественная литургия. Неделя 3-я Великого поста. Крестопоклонная.

Вт. 06.04.2021 г. — 16:00 — Всенощное бдение.

Ср. 07.04.2021 г. — 09:00 — Божественная литургия. Благовещение Пресвятой Богородицы.

**Крещение и венчание по договорённости,
по прохождении двух огласительных бесед**

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Обратите внимание!

Просим Вас не употреблять эту газету в хозяйственных нуждах.

*Если она стала Вам не нужна, отдайте её другим людям,
если стала ветхой, сожгите.*

Редактор: протоиерей Максим Липунов
Тел. +7-951-577-96-59

Электронная почта: lipunov.net@mail.ru

Выпуск подготовила: И.Н. Андраханова

Адрес:

654250, Новокузнецкий р-н, пос. Кузедеево,
ул. Советская, 25.

Сайт Прихода: kuz.cerkov.ru

Тираж: 100 экз.

Храм открыт:

В будние дни с 11:00 до 14:00

Суббота с 11:00 до 14:00

с 16:00 до 19:00

Воскресенье с 09:00 до 14:00